

Екатерина Боброва

ШАНТАЛЬ,

ШАНТАЛЬ

Корона против

1

Екатерина Александровна Боброва Шанталь, или Корона против

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64337323

Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2021

ISBN 9780880005746

Аннотация

Один неверный шаг приводит тебя на край бездны. Одна ошибка – ты теряешь все: дом, семью и заново переписываешь жизнь. Единственный миг слабости – и сердце, предатель, заставляет признать его власть над тобой. Но кто сказал, что будет так, как решили правители мира сего? Корона против. Высший свет в шоке. Семья в ярости. Что выберешь ты? Роман понравится всем, кто любит жесткое противостояние героев, интриги, погони и головокружительные приключения. Действие происходит в мире, который влетает на всех парах в эпоху промышленного прогресса, мировых войн, окончательного раздела территорий, а так же очередного витка затухания магии. Мы основательно потопчемся по самолюбию знати, побегаем от разных злодеев, поиграем в шпионов и ломаем планы разведок нескольких стран.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Екатерина Боброва

ШАНТАЛЬ, ИЛИ КОРОНА ПРОТИВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– У вашей проблемы, ВанКовенберх, существуют два варианта решения. В первом вы признаетесь виновным в заговоре против короны, получаете клеймо предателя и отправляетесь на каторгу. Пожизненно. Впрочем, его величество часто проявляет милосердие, заменяя каторгу казнью. Учитывая, что вы не безродный крестьянин, а дэршан, вам отрубят голову – быстро и безболезненно. Во втором...

Пауза, которую сделал этот великолепно поставленный мужской голос, вещающий с холодом абсолютно уверенного в своих словах человека, заставила мое сердце очнуться наконец от ужаса и забиться с удвоенной силой. Эмоции захлестнули, окуная в прорубь страха. Чтобы не выдать себя, я зажала ладонью рот.

«Отрубят голову», «каторга». Слова льдинками кололи сердце, заставляя его сжиматься от боли. Милосердие! Чудовищно извращенное милосердие обрывающее жизнь, заменяя страдания смертью. Бедный, бедный отец.

Под окно кабинета меня привела судьба, спор с кузиной, ну еще любопытство – что могло понадобиться гостю из столицы в нашей глуши, да еще и в межсезонье? Зимний сезон балов только-только завершился, знать благополучно разъехалась по пригородным усадьбам, лишь самые стойкие да связанные службой или делами короны оставались в городе.

Знание отравой вползло в душу, порождая жалость к отцу, ужас – что с нами будет, но в первую очередь – недоумение. Как мой отец, милый, добрый, увлекающийся карточными играми да охотой, мог оказаться замешанным в заговоре против императора?! Где, когда и почему? Почему рискнул нами?

Солнечно теплый, один из первых по-настоящему теплых этой весной день показался неуместным своей красотой. Холодом повеяло от стен родного дома. Холодом и предательством.

– Дела семьи, ВанКовенберх, требуют, чтобы я обзавелся наследником. У вас три дочери, если я не ошибаюсь?

О да! Он не ошибся. Старшая Дорота была обручена с соседом – отставным военным, скучным малым, который чем-то покорила сердце моей сестры. Младшая Дейзи еще не достигла возраста выхода в свет, а кузина лишь на словах считалась родственницей, будучи принятой в нашу семью сиротой. Так выходило, что единственной дочерью на выданье оставалась я – Шанталь ВанКовенберх, дочь дэршана, чей род мог похвастаться близостью с короной, лет эдак сто на-

зад, но кто считает года, когда будущий король снизошел до брака с одной из моих пра-пра-бабушек. Главное, сам факт брака, который вкупе с привлекательностью, молодостью и приданным давал женихам право считать меня перспективной невестой и расписывать бальную карточку от начала и до последней строчки.

Так что предисловие «три дочери» можно было сразу заменить на «Шанталь ВанКовенберх. Я бы хотел бы взять ее в жены».

Я уже приготовилась услышать привычное: «Видите ли, я слишком люблю свою Шанти, чтобы решать за нее». А еще приготовилась бросить отказ тому, кто посмел обвинить отца в заговоре. Отец и заговорщики. Клянусь сыном бездны, ничего глупее в своей жизни не слышала. Это чья-то шутка. Безжалостная, наиглупейшая шутка.

От этой мысли стало легче. Настолько, что воздух перестал быть стылым, а солнце засияло с привычной теплотой.

Отвлечшись, не сразу узнала голос отца. В нем не было привычной мягкости и приветливости. Сейчас это был голос старика.

– Да-да, вы правы. Три дочери, три моих дочери. НЕ ГУБИТЕ!

Крик кинжалом полоснул по спине. Я до крови прикусила ладонь, острая боль помогла вынырнуть из омута отчаяния и не выдать себя.

«Не губите». Значит, правда. Заговор, предательство и на-

ша разрушенная жизнь. Что дальше? Арест, суд, имущество отойдет короне, родственники мгновенно отвернутся от семьи заговорщика, и мы с матушкой пойдем просить милостыню.

Я представила себя в серых лохмотьях, босиком на дороге. Слезы защипали глаза. Белый с розовым замок жизни стремительно превращался в поросшие мхом руины.

От подступивших рыданий удержало только осознание: слезами делу не поможешь. Опять же рыдать, когда подслушиваешь, как минимум глупо, как максимум вредно для здоровья. Я уже примеряла на себя роль дочери заговорщика. пытки и молчание. Да, именно так. Молчание с гордо поднятой головой и презрительной улыбкой на лице.

– Вы можете помочь и мне, и себе, Гьюзеппе. Мое предложение более чем щедро. Я готов удовольствоваться любой из ваших дочерей. И так как дела государства отнимают практически все мое время, помолвку и все связанное со свадьбой возьмет на себя моя матушка.

Шаги и звук захлопывающейся створки окна. Ответ отца я не услышала, но интуиция подсказывала – его слова мне не понравятся.

Надо что-то делать. Сейчас.

Я подобрала подол платья и сорвалась с места. Мир расплывался в мутной пелене слез. Так больно мне не было никогда в жизни. Предательство отца, поставившего нашу жизнь под угрозу, ударило прямо в сердце. Не корону он пре-

дал, а нас с мамой и сестрами.

Наткнувшись на бочку, собиравшую дождевую воду с крыши, и больно ударившись об нее бедром, я пришла в себя.

Зачем я здесь? Ах да... глупая шутка, на которую меня подговорила кузина. Залезть в гостевую спальню, пока гость в кабинете разговаривает с отцом.

У девиц мало дозволенных развлечений. Балы, вышивка, верховая езда, благотворительность, уроки музыки, этики и словесности. Благородная дарьета должна быть идеальной хозяйкой и женой, если у семьи хватает влияния и денег, чтобы обеспечить ей достойного мужа. Все остальное под запретом. Любовные романы, которые обожала читать Дорота, игра в мяч и беготня с мальчишками младшей, мои занятия с дядей. У каждой из ВанКовенберх был свой изъян и, подозреваю, именно это и привлекало в нас мужчин.

Знал ли об этом гость, столь опрометчиво остановивший свой выбор на нашем семействе? И кто он вообще, этот дэршан, приехавший по столичному тракту, но верхом, без кареты? Мне удалось разглядеть лишь его спину, широкую, обтянутую черным камзолом, собранные в хвост темные волосы и высокие кожаные сапоги.

Если бы гость приехал на карете с гербом, мы бы с Фаби не затеяли спор, я бы не пошла на преступление и не услышала бы этот разговор... Во всем виновата скука, и лишь она одна. Не сама же я решилась на порочащий честь поступок и,

встав на бочку, в данный момент перелезала через подоконник открытого окна. Сознаюсь, мною руководила банальная месть. Я была в такой ярости, что вещам дэршана грозила участь быть приведенными в полную непригодность.

Как он посмел воспользоваться ситуацией и приехать сюда с таким предложением?! Я ошиблась. Он не дэршан, а скользкий дождевой червяк! Замуж за «червяка»? Никогда!

Спор, который мы затеяли с Фаби, становился чем-то большим. Местью, шагом в пропасть или шансом?

Тайны и, так уж и быть, буду честной, сплетни были слабостью Фабианы. Она могла часами разглядывать генеалогический каталог благородных семей, первой прочитывала «Столичного вестника», знала, кто будет блистать в этом сезоне, кто останется в невестах, а кто заполучит обручальное кольцо на безымянный палец. Словом, у нее всегда можно было уточнить на балу: «А кто тот высокий, в синем камзоле?» и получить исчерпывающий ответ.

Любопытство было главной слабостью кузины, но лезть в гостевую спальню, чтобы его удовлетворить, выпало мне. Тысяча муравьев в панталоны!

Вдох-выдох. Я сидела на подоконнике, комната была ярко освещена, южная сторона, солнце в зените. Один шаг до преступления дался удивительно легко. Рука сама легла на кожу саквояжа.

Чего бояться? Палец скользнул по блестящей застежке. Меня выдадут замуж за дождевого червяка. Что-то хуже?

Спросила себя и поняла: хуже только отказ отца от сделки и последующая расплата – ссылка. Только сейчас пришло осознание – семья пожертвует мной, чтобы сохранить не только жизнь, но и положение в обществе, чтобы выдать замуж еще двух дочерей, чтобы не отправиться просить милостыню, чтобы... А самое противное... я не буду против.

Щелк. Саквояж услужливо распахнул свое темное нутро.

Кто же вы, дэршан «червяк»? Какие грязные секреты прячете от своей будущей жены? Может, мне удастся найти что-нибудь по-настоящему ценное, что вы сочтете достойным обмена на мою свободу?

Очнись, Шанти, ты обменяешь его секреты на веревку на шее.

Но руки уже перебирали чужие вещи. Сменная рубашка, белье, дорожный набор. Резкий запах мужского одеколona. Гладкая кожа книги – дневник.

Дыхание перехватило, в ногах поселилась слабость, но руки уже обхватили переплет, потянули дневник на свет.

Давай, Шанти, ты не простишь себя, если не попытаешься.

Резкая боль и мгновенно нахлынувшее осознание: дневник защищен магической печатью. Стоит отнять руку, как о попытке взлома узнает его владелец. А если вспомнить, что владелец в паре комнат отсюда обвиняет отца в заговоре против короны... Впору писать завещание и заказывать отпевание. Что там говорил «червяк» о милосердии его вели-

чества? Палача мне, палача!

Собственный стон заставил подскочить на кровати. Схвати-лась за сердце – левой, ума хватило не снимать правую руку с дневника. Пока не сняла, пока остались силы тер-петь жжение печати, сигнализация не сработает. Пока ниче-го страшного не случилось...

Очнись, Шанти. Все, что могло плохого случиться, уже произошло. Простой дневник не защищают печатью.

Что там еще вещал «червяк»? «Дела государства отнима-ют практически все мое время». Как можно было не понять прямой намек? Он работает на корону. Отсюда и знание о заговорщиках. Отсюда и защита на дневнике, и приговор де-вице, сунувшей любопытный нос в чужие секреты.

Я с тоской посмотрела в окно. Солнышко, голубое небо. И одна глупая я, идущая на плаху.

Не хочу умирать! Не сейчас и не так. Никак не хочу.

Выскользнула в коридор, плотно прижимая дневник к груди. Страх смерти притупил боль от печати, а решимость остаться в живых заставила работать мозг, как никогда в жизни.

Я справлюсь. Обязательно справлюсь.

В спальню я ворвалась, Фаби подскочила с кресла и вы-таращила на меня круглые от удивления глаза. Подозреваю, вид у меня был еще тот...

– Платок, нет, шарф, быстро.

Слава Небесному отцу, задавать глупых вопросов она не

стала. За что я и любила Фаби – когда пахло жареным и нужно было уносить ноги, она действовала, вопросы шли потом.

– Руку приматывай крепко. Не так сильно, – поморщилась, когда шарф стянул запястье, – ты же не хочешь, чтобы рука отсохла.

Лучше бы она отсохла...

– И что теперь? – кухня отступила, вперив в меня внимательный взгляд.

Действительно, что теперь? Я выиграла час, может, два, если отец решит повести гостя в оружейную галерею и продемонстрировать коллекцию редкостей, собранных дядей.

Нет, о чем я думаю? Побег? Какая глупость! Надо признать. Пойти, упасть в ноги, вымолить прощение. Прикинуться дурочкой. Поплакать. Порыдать, в конце концов. Полчаса унижений и все, Шанти. Давай же, будь умницей, не делай глупостей.

– Собери вещи, нет, сначала сбегай к Гаврину. Пусть закладывает коляску. Скажи... Скажи, что у меня потерялись шпильки и надо съездить в лавку. Срочно. У нас же гость, не могу я выйти к нему растрепанной.

Удивительно, насколько быстро начинает работать мозг, стоит только осознать, как близко ты стоишь к пропасти и насколько страшно в эту пропасть заглянуть. Сейчас я была готова на все, лишь бы не встречаться с хозяином дневника, лишь бы не смотреть в его глаза и не слышать приговор. Дочь заговорщика крадет личный дневник служащего коро-

ны. Крадет секреты короны. Кто поверит в глупый спор двух дуручек? Естественно, её попросили. И кто, как не родной отец, подговорил дочь? И уж точно дэршан не захочет жениться на воровке.

Ах, если бы можно было изменить прошлое! Но есть ошибки, которые точно подвернувшийся под ногу камень, спихивают тебя со склона горы. И вот ты катишься, получая синяки и шишки и мечтаешь об одном – не свернуть себе шею.

Я позволила на мгновение представить себе жизнь без ужаса, случившегося десять минут назад. Слезы, истерика, виноватое лицо отца – он же обещал не принуждать меня к замужеству. Горечь признания и слова, за которым пряталась мольба о спасении. Согласилась бы я? Конечно, да. Страшно вообразить, какой бы стала наша жизнь, если бы отца посадили в тюрьму за измену.

Свадьба с незнакомцем – тяжелая цена, но ради родных я бы ее заплатила.

Впрочем, сейчас о замужестве можно было забыть. Никто не женится на воровке, пусть и благородного происхождения. Выбор невелик: тюрьма или бегство.

Писать левой рукой было жутко неудобно, но я справилась.

Они не смогут отмахнуться от признания, а проверить его будет нельзя. Когда найдут письмо, я буду уже далеко. Поезд на Вальстарн отходит через сорок минут. То, что надо, чтобы

вскочить в него в последний момент.

Сжала ладонь в кулак. Я стремительно взрослела, настолько стремительно, что становилось страшно. Внутри словно просыпался кто-то чужой, и в его хладнокровных рассуждениях была взвешенная логика, никаких истерик, страхов или сожалений. Прав был дядя, когда говорил, что во мне живет мужчина, настолько порой мои вопросы ставили его в тупик. Я не верила, считала шуткой. Но дядя не ошибся, как на моей памяти не ошибался ни разу.

Вещи кухни – благо мы были одного роста – наскоро упаковали в потертый саквояж. Деньги и мои драгоценности запрятали в пояс. Руку с дневником я сунула в муфту, на плечи накинула плащ. Жарковато, но к ночи станет прохладнее, и плащ придется кстати.

Что еще взять с собой беглянке, точно тать убегающей из дома, не попрощавшись ни с кем из родных? Лишь самое необходимое, оставив здесь частичку своего сердца.

Лошади мерно трусили по дороге, а мне хотелось, чтобы они неслись во весь опор. Я спиной ощущала, как утекает время и собирается по мою душу грозовая туча. Гаврин рассуждал о погоде, о ценах на рынке, о посевной, которая скоро должна начаться. Я почти не слышала, о чем он говорит, мои мысли метались от дома: обнаружилась ли уже пропажа, до поезда и побега.

– Гаврин, заверни, пожалуйста, на станцию. Я решила съездить в Локсвиль, навестить кормилицу.

Гаврин хмыкнул, но коляску повернул. Некоторое время мы ехали молча.

– Натворили что-нибудь, дарьета? – спросил, не поворачиваясь, кучер.

– С чего ты взял?

– Так это в детстве, вы как нашалите, так и удираете в деревню. А помню, один раз с цирком сбежали, когда обиделись на ваших родственников.

Я невесело улыбнулась. Тот цирк и тот случай я помнила хорошо. Меня обвинили в пропаже тетушкиного браслета, мол, взяла без спросу и потеряла. Родственники матери гостили у нас почти месяц, и этот был нелегкий месяц в моей жизни. У тетушки Лаврель было две дочери. Обе пошли в мать: крикливые, болтливые, а главное – не видящие в жизни ничего ценного, кроме платьев, драгоценностей и мальчиков. Браслет нашли, меня тоже, но тетушку с семейством к нам больше не приглашали, а я тогда на пару лет серьезно заболела цирком.

Гудок паровоза вернул к жизни. Под возглас «Куда? Вот бедовая девчонка!» я соскочила с коляски на ходу, саквояж больно стукнул по ноге и быстрым шагом, искренне сожалея, что бегом нельзя, вошла в вокзал.

Во рту пересохло от волнения, руки подрагивали, но голос, когда просила один билет до Вальстарна, был тверд. Сожалела об одном – на станции меня, как и мою семью, знали хорошо. Скрываться было бесполезно. Одна надежда –

мне удастся опередить преследователей настолько, что хватит времени избавиться от печати и дневника.

Мне не верилось, что все это происходит со мной, что сейчас закроется дверь вагона, раздастся гудок и мы... О! А вот и он. Поезд дернулся и тут же тронулся, набирая ход. За широким окном замелькали дома, деревья, а потом широкой панорамой раскинулась долина. Вдалеке, на холме, на мгновенье мелькнуло белое пятно – усадьба Ковенберхов.

Сердце сдавило, но глаза остались сухими. Может, я и совершаю величайшую ошибку в своей жизни и совсем скоро пожалею об этом, но раскаиваться и возвращаться пока не намерена. Сейчас и за меньшее, чем кража секретов короны, сажают...

Нынешний император Тадеус-Эрам-Шари взошел на престол лет пять назад. Так уж сложилось, что его отец с дядей погибли под оползнем, накрывшим охотничий домик в горах, где венценосные братья изволили баловаться охотой. И потому правящий император был возмутительно молод – лишь на семь лет старше меня. Его короновали на престол в девятнадцать. И вот, скажите, можно ли в столь юном возрасте управлять страной? Пусть и при помощи советников? Я считаю – нет.

Первое время все шло хорошо. Два года император правил под надзором опекунского совета. Женился. Сплетничали – удачно. А после смерть снова навестила самую известную семью нашего государства, забрав на этот раз сестру им-

ператора – красавицу Аршану.

Горе всегда чему-то учит. Кого-то делает сильнее, кого-то мудрее, а кому-то показывает, что перед смертью все равны. Но императоры... их учить бесполезно. Они сразу начинают вопить про заговоры, подозревать каждую собаку в измене и усиливать меры безопасности.

Три года страну лихорадит. У нас: то простуда – каждый чих считается подозрительным, то температура под сорок – все старательно доказывают свои верноподданнические чувства на бесконечных балах и приемах, то бросает в холод – и семейства стройными рядами отправляются на богомолье, раздавая нищим милостыню и бальные наряды.

Клянусь, одно время я встречала нищенку на паперти в красном бархатном платье.

Но императору наши молитвы помогли слабо. Этой зимой заболела императрица. Лучшие лекари делали все возможное. Жизнь сохранили, а вот способность продлить род – нет. Не думайте, что об этом болтают открыто. Но три года в браке, а детей нет. Да и бальный сезон вышел скомканным, словно черновик романа. Отличие лишь в том, что черновик можно переписать, а жизнь нет.

Мы старательно делали вид, что все хорошо. Заказывали новые платья, пили чай, посещали школы и приюты и сплетничали, сплетничали, сплетничали... Скука смертная. Император почтил высший свет своим присутствием раза три за сезон. Императрица – ни разу.

Определенно, злой рок преследует правящую семью. А теперь вот перекинулся на нашу. Я в бегах, отца обвиняют в измене... Семье грозит опала с лишением титула и конфискацией имущества. Император скор на подобные решения, стоит только намекнуть об угрозе его высочайшей персоне. Как будто мой отец, который и мухи не обидит, может на самом деле быть угрозой!

Проводник в третий раз прошел мимо меня, бросая подозрительные взгляды. Надо идти в купе, улыбаться попутчикам, делать вид, что все нормально, когда меня попеременно бросает то в жар, то в холод. Мысль, что я оставила «червяка» с носом, заставляла кривить губы в злой усмешке, но приходящее следом осознание – одна, без семьи, с клеймом воровки в бегах от закона – сводило тело от страха.

Я бросила последний взгляд на свое отражение в окне. Шляпка кузины совершенно мне не шла, делая старше. Простое домашнее платье. Потушить огонь в глазах, стереть злую усмешку и вот я – небогатая, но благородная дарьета, едущая по своим делам в... Например, в Даштарн. Тетушка в последний момент заболела и не смогла поехать со мной. Какая жалость! А так как я срочно должна составить компанию своей дальней, но жутко богатой бабушке, поездку отложить нельзя.

– Так жаль вашу тетушку, – покачала головой Лоанна Боргвейн. Ее муж подбадривающе улыбнулся. Милая пара, чем-то похожи на моих родителей, только без знатной при-

ставки Ван.

Вечерний чай с песочным печеньем и крохотными пирожными сблизил нас, позволив перейти на имена – позволенная вольность, доступная попутчикам. Я пила ароматный чай маленькими глотками, наслаждаясь своей временной безопасностью и привыкая к новому имени.

– Эшаль, как вам этот сезон?

Мы обе делали вид, что посещали те же балы, сидели за столиком в отдельном кабинете ресторана ЛьяГрасс, смотрели премьеру из ложи Императорского театра. Только дворец и балльная зала какой-нибудь нувориша – как локоть и нос: вроде рядом, а достать друг до друга не могут – даже если доход у этого нувориша раз в десять больше, чем у дарьеты из благородного, но обедневшего рода.

Впрочем, все меняется... Сегодня дарьеты выходят замуж за деньги, даря мужьям титул. И если в прошлом сезоне такие браки осуждались открыто, то в этом они удостаивались максимум одной фразы, да и то от почтенной матроны: «А вот в наше время чистоту крови блюли строго».

И я слышала, что не только дарьеты, но и дэршаны готовы смешать свою благородную кровь с не слишком благородной, получая в обмен достаточно золота, чтобы проигрывать его в карты.

Когда страну лихорадит, а императору снятся заговорщики, золото – надежней титула.

– Мы пропустили сезон, – я опустила глаза, принимая

смущенный вид, – по семейным обстоятельствам. Но слышала, он был ужасен.

– Да-да, – закивала Лоанна, на симпатичном и ухоженном лице явственно читалось облегчение. Я не стану озвучивать фамилии, приемы и знакомства, выстраивая титулованную стену между нами. Сегодняшняя вольность общества позволяла садиться за один стол богатым и благородным. Но не во всех вопросах мы были равны. Нас судили по-разному и казнили тоже, впрочем, смерть у всех одинакова, чтобы там не воображал себе император.

Светская беседа текла неспешно. Погода, с осторожностью императорская семья, мода, меню столичных ресторанов и снова погода. Долгая практика позволяла легко поддерживать темы, практически не думая о том, что говоришь. И заметьте, логика не терялась ни разу. Мама бы мною гордилась, будь она здесь.

– Скажите, Эшаль, ваша семья живет около Норберна?

Глава семьи Боргвейн решил задать свой вопрос, который я читала в его глазах с момента нашего знакомства.

– Можно сказать, нет. Моя бабушка живет в поместье. Остальные разъехались. Меня отправили к тете, а сейчас пригласила пожить к себе другая наша дальняя родственница. Ей нужна компаньонка, как раз моего возраста.

«А также положения», читалось между строк. Потому я и назвалась ВанНорберн, воспользовавшись фамилией подруги моей матери по пансиону. Приставка благородного рож-

дения накладывала ограничения, но давала кое-какие вольности. Например, у меня не посмеют потребовать документы, если только я не нарушу закон. Моему слову поверят без доказательств, да и путешествие без сопровождения привлечет, конечно, внимание, но не вызовет серьезных подозрений, скорее, наоборот, сочувствие, как в случае с семейством Боргвейн.

– Дорогой, мы идем по графику? Прибудем вовремя?

Милейшая Лоанна пришла на помощь, отвлекая внимание мужа на себя.

– Конечно, дорогая, – звонко щелкнули часы, открывая позолоченную крышку, – прибудем по расписанию. Ровно через три часа сядем на экспресс до Нойзича, там нас будет ждать автокар, который довезет до Рильсгара. Все, как я и рассчитал, – не без самодовольства объявил мужчина.

«Рильсгар» – откликнулось внутри меня эхом. Порт на западном побережье империи. Быстроходные пароходы за трое суток доставляющие пассажиров через море на другой континент.

Ельзан еще не закончил говорить, а я знала: Рильсгар – это то, что требуется. С короной и его приближенными никогда нельзя быть уверенным, что именно творится в их головах. Насколько разозлился дэршан «червяк», какие именно секреты он записывал в свою книжку и кого готов привлечь к моим поискам? А если он объявит в розыск, и меня будут ждать на въезде в любой крупный город? Как тогда найти

нужного человека, чтобы снять печать?

Решено. Самым надежным и быстрым вариантом уехать из страны будет порт Рильсгар.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лет пять назад в «Поехали» играли все. Бедные, богатые, взрослые дяди, тети и, конечно, дети. Заключались сумасшедшие пари, проигравшие бросались под опоздавший поезд, гремели судебные дела. Игра была простой: добраться от одного пункта до другого за минимум времени. Дети «добирались» в теории, обложившись картами и расписаниями. Взрослые имели возможность проверить свою игру на практике.

Мой дядя считал игру полезной. Сколько баталий мы с ним провели, горячо споря, можно ли успеть на Катажский скоростной, если сесть в пять вечера до Норана! Зато теперь я отлично знала географию родной страны, могла составить маршрут от одного края нашего немаленького государства до другого.

И вот надо же такому случиться... передо мной страстный поклонник игры.

– Какое совпадение! Я как раз хотела добраться до Даштарна через Рильсгар. Но разве можно это сделать из Нойзича?

Мужчина улыбнулся так, как умные взрослые дяди улыбаются глупым девочкам. Но обиды я не почувствовала, возможно, потому, что сегодня на самом деле вела себя именно так – глупо и по-детски.

– Дорогу от Нойзича до порта замостили в прошлом году. Автокары пустили три недели назад.

– Мой муж – настоящий профессионал, – и супруга подарила Ельзану восхищенный взгляд. Ее восхищение меня позабавило. У мужчины было выступающее брюшко, плотно обтянутое белой сорочкой, волосы зачесаны так, чтобы скрыть лысину, а маленькие глазки терялись на крупном лице. Мне действительно повезло с попутчиками.

– Эшаль, вы можете ехать с нами, – предложила она.

– Если рискнете, – добавил муж, скрывая усмешку. Он был не так наивен, как супруга. И в мою историю с заболевшей тетушкой явно не поверил.

– С удовольствием составлю вам компанию, – широко улыбнулась. Дорога, точно неверная женушка, меняла свое направление, звала направо, когда я шла налево. Но сегодня я готова была следовать за судьбой.

– Что это? Это что, я вас спрашиваю?

Голос говорившего был тих и обманчиво спокоен, но находящиеся в комнате испуганно попятились. В наступившей тишине отчетливо прозвучал женский всхлип.

Мужчина поджал губы, всхлип прервался и больше не осмеливался нарушить повисшее молчание. Молчание осужденных перед лицом палача.

Поморщившись и мысленно прокляв дурной почерки девицы, он вновь пробежался по прыгающим строчкам.

«Милостивый дэршан, мне стало известно о вашем намерении взять меня в жены, а также о постыдном шантаже, которым вы подвергли моего бедного отца. Сообщаю, что в его виновность я не верю и потому лишаю вас возможности его шантажировать, покинув родной дом. Не ищите, мое решение не изменится. В случившемся прошу винить только меня».

Подпись «Шанталь» не оставляла сомнения в авторстве. Он в ярости сжал кулак, потом опомнился, расправил тонкий лист бумаги, аккуратно сложил, проглаживая, и убрал в карман. Обвел притихших людей тяжелым взглядом.

В небольшую комнату набились тесно. Старший ВанКовенберх, горничная, которая и сообщила о пропаже, девица, приходящаяся семейству дальней родственницей, управляющий – упитанный мужчина, чье лицо столь быстро меняло цвет с белого на красный, точно его каждые пять минут макали в краску.

Старшие женщины Ковенберхов задержались в гостях, а младшую отослали спать.

– Куда она могла отправиться?

Нижняя губа ВанКовенберха начала мелко подрагивать, на лбу выступила испарина. В серых глазах читался страх. Если бы не абсолютная уверенность, что глава семейства никак не мог предупредить дочь и организовать ей побег, Леон давно бы припер его к стенке и вытряс правду.

А так... забавно вышло. Приехал за невестой, а получил

беглянку. Надо ж было из пяти вариантов выбрать столь прыткий и непокорный? А если плюнуть на девчонку и поехать свататься к ВанЭрмастеру? Он вспомнил невзрачную девицу с тонкими волосами, обильно напудренным лицом и высоко вздернутым носиком. Ехать расхотелось.

А жениться надо. Дальше тянуть нельзя. С пробивной настойчивостью Роалины – либо он женится сам, либо она женит его на себе. И послала же бездна затмение переспать с наследницей рода ВанДаргмейр. Знал ведь, какого сорта девица, точнее, не девица вовсе, но удержаться, когда его открыто соблазняли, не смог. Да и кто предполагал, что среди череды своих любовников она остановит свой выбор именно на нем? И если быть любовником этой умной, но абсолютно испорченной женщины он был не против, то становиться мужем, в перспективе рогатым... Лучше за решётку.

Осознав перспективу либо в тюрьму за убийство, либо в рога носцы, Леон внял многолетним просьбам матушки и решил-таки жениться. Причем быстро и без долгих уговоров невесты. Окончательный выбор пал на ВанКовенберхов, уж больно удачно Гюзеппе затесался в список подозреваемых. Всерьез этого безобидного и простоватого дэршана никто не воспринимал, но кто сказал, что он не может послужить короне? Особенно когда верноподданный так нуждается в прикрытии тылов. Леона практически в осаду взяли. И если матушке хватало такта не лезть напролом, то ее величество, чья решимость устроить счастье приближенных трону не знала

преград, на каждой встрече заводила разговор о долге наследника в продлении столь замечательного рода. Роалина же была готова на все, и большая часть этого «все» состояла из самых грязных, но действенных методов приведения мужчины к алтарю.

– Она... она...

Гьюзеппе заклинило, он явно терял способность связно излагать свои мысли. Трусоват, отметил Леон, тут же добавив: идеальный материал для работы.

– ВанКовенберх, я пока намереваюсь лишь поговорить с вашей дочерью. Не заставляйте меня рассматривать другие варианты.

– Да-да, конечно, – закивал мужчина, передумав изображать приступ слабоумия, – Шанти, скорее всего, уехала к своей крестной. Видите ли, она часто так делала, когда ее что-то расстраивало.

Леон отметил, как на мгновение скривилось лицо девицы. Она явно знала больше, чем остальные в комнате, да и выглядела пусть и встревоженной, но в глазах вместо страха читалась уверенность смертника, выкопавшего себе лаз на свободу: «Поздно, дэршан, ловить птицу в кустах, когда та давно улетела».

Дверь распахнулась, явив собравшимся Андэра – его слугу и, по совместительству, верного помощника в делах. Он торопливо отряхнул крошки с куртки – явно выдернули из-за стола – и вопросительно посмотрел на хозяина. Леон по-

морщился, но выговаривать не стал. Приказа караулить девицу он не отдавал – её побег для него самого стал полной неожиданностью.

И что это было? Удивительная решимость или дурость? Отправиться одной, без сопровождения, на ночь глядя... Он вспомнил раскрасневшееся от танца лицо, блестящие глаза и волосы, цвета темного золота. Они не были представлены, но Леон обладал прекрасной памятью, а свежее лицо на приемах всегда вызывало любопытство.

– Опроси слуг и в первую очередь кучера, – приказал помощнику и тут же повернулся к горничной, слыша, как хлопнув, закрылась дверь, забрав с собой еще и управляющего: – Проверьте, что именно пропало из вещей дарьеты. А от вас, – он посмотрел на Гюзеппе, – через двадцать минут жду список родственников, друзей и знакомых. С адресами.

Леон не раз убеждался, что люди с радостью повинуются тем, кто знает, что делать. Есть приказ – его надо выполнять, и можно не мучиться моралью и нагружать совесть неудобными вопросами. Дело, пусть и бессмысленно дурацкое, – лучшее решение в любой ситуации.

Вот и Гюзеппе со словами:

– Конечно, Вандаренберг, я все понимаю, – вышел за дверь. Почти. Замер на пороге, любовь к дочери все же перевесила здравый смысл, обернулся, промямлив просительно: – Но вы можете обещать, что...

Леон взял его под руку, вывел в коридор. Если бы он обер-

нулся, то увидел, как исказилось от ужаса лицо девицы, а дрожащий голос забормотал:

– Ван, ван, ван... Ой, что будет!

Когда дверь была плотно прикрыта, а коридор проверен на отсутствие любопытных, Леон без всякого почтения вжал дэршана в стену.

– Ваша дочь, – стальной голос подавлял волю, замораживая любые попытки сопротивления, – единственный шанс доказать свою преданность короне. Иначе мне придется, – он позволил себе скорбно поджать губы, – поверить, что вы действовали заодно, и ваша семья, ВанКовенберх, самое что ни на есть гнездо заговорщиков. А ведь ваша старшая дочь помолвлена, а младшей предстоит выйти в свет. Вы хотите, чтобы они были счастливы?

– Но Шанталь, – простонал Гьюзеппе, в его глазах сверкнуло безумство, и мужчина опустился на колени: – Умоляю, возьмите меня. Судите. Пусть я пойду в тюрьму, но не трогайте девочек.

Его пальцы хватались за штаны Леона, рот некрасиво перекосился, из него вылетала слюна, брызгая на одежду. Леон поморщился – вот тебе и благородный дэршан! Мельчает, мельчает аристократия. Один нажим – и они готовы ползать на коленях, лишь бы остаться при своем. Сейчас он, как никогда, понимал решение его величества. Чистка жесткая, кровавая нужна была давно.

Лицо Леона закаменело.

– Встаньте, Гюзеппе, вы же Ван, а не простолюдин. На колени мы встаем три раза в жизни: вступая в брак, принося клятву его величеству и перед палачом. Я не император и не палач, и тем более не ваша жена, так что ВСТАТЬ!

Мужчина испуганно вскочил, пошатнулся, удержавшись за стену.

– Вы меня оскорбили, Гюзеппе, посчитав, свою жизнь ценнее моего предложения. Между тем я не просто оказываю вам честь, а спасаю вашу ничтожную шкуру. Вы и только вы по своей глупости проводили вечера в обществе нелюбимых королю людей. И кто поверит, что ваши интересы не выходили за рамки игры? Кто, я вас спрашиваю?

Гюзеппе, с каждым словом сгибавшийся все ниже, вздрогнул, выпрямился. Его бледное, как свежесвыпавший снег, лицо приняло отстраненное выражение. Он все понял, решил, но не смирился.

– Поэтому, мой будущий родственник, – Леон позволил голосу смягчиться, – вы сейчас идете в кабинет и приносите список. И можете начинать готовиться к свадьбе. Я верну вашу дочь уже завтра.

Гюзеппе медленно, словно не веря в то, что делает, повернулся и, шаркая, двинулся по коридору. Ссутулившиеся плечи и поникшая голова – за один вечер здоровый, сильный мужчина превратился в старика.

Леон не удержался – выругался, помянув старую аристократию, цепляющуюся за честь, даже когда у нее больше ни-

чего не осталось. Кто бы думал, что дэршан насколько любит дочь? Впрочем, к делу это не относится. Он все равно добьется своего.

– И кто это у нас такой, – уточнил Леон, распахивая дверь, с насмешкой глядя, как выпрямляется девица, как жгучий румянец заливает щеки, а глаза расширяются от страха, – любопытный?

Можно было добавить «наглый», потому как подслушивать разговоры Леона не решались даже его недруги.

Он смерил внимательным взглядом девицу, отмечая острое, точно у грызуна лицо, тощее тело, на котором болталось явно перешитое с чужого плеча платье, темные волосы, собранные в жидкий шиньон.

Изогнул брови, ожидая ответа, но девица лишь беззвучно открывала и закрывала рот, все сильнее выпучивая глаза. Она пятилась вглубь комнаты, точно пара метров пустоты могли ее защитить.

Как же это знакомо! Имя главы службы защиты и безопасности граждан, сокращенно СЗИБ, частенько вызывало такую реакцию, потому он и не любил официально представляться на приемах, особенно хорошеньким девушкам.

– Мне повторить вопрос?

Спросил, ощущая жгучее желание сжать ладонь на тощейшее, перекрывая кислород. Сегодня все, буквально все, сговорились вывести его из себя. Прыткая невеста, несговорчивый отец невесты, теперь эта...

– Фабиана, ваша высокородность.

Горничная, в силу своих зрелых лет, обладала большим жизненным опытом и понимала, как опасно молчать.

– Оставьте нас.

Хлопнула дверь. Лицо девицы стремительно бледнело, в глазах появилось понимание, что в комнате они одни.

– Итак, Фабиана, я хочу знать, куда отправилась твоя родственница. Вы ведь подруги, не так ли?

Острый подбородок качнулся. Леон шагнул ближе. Девица задышала ртом, побледнела еще больше и приготавилась упасть в обморок.

– Возможно, нам стоит перенести разговор в мой кабинет? Посмотрите управление, посетите подвалы, – рассуждал он, отмечая, что обморок был благополучно отменен, а подозреваемая в организации побега пришла к верному решению: рассказать правду.

– Мы, мы...

Леон подбадривающе улыбнулся. Зря, наверное. Улыбка никогда не была его сильной стороной.

Девица судорожно сглотнула и зачастила.

– Мы честно не хотели. Если бы знали, что это вы – то никогда, честное слово, никогда бы не посмели. Ох, это все так ужасно. Мне так стыдно... Простите нас. Но я не знаю, где она. Правда, не знаю. Шанти мне не сказала. Она собиралась решить по дороге, куда отправится.

Слезы уже срывались с ресниц, нос покраснел, а хлопанье

намекало, что сейчас грянет истерика.

– Достаточно, я понял.

Девушка слышала, что ее собираются выдать замуж, но не удосужившись узнать за кого именно, и сбежала из дома.

– У Шанталь есть сердечный друг?

Всхлип прервался, на лице Фабианы промелькнуло недоумение.

– Нет-нет, что вы. Никого. Я бы знала.

Тогда просто дурость и это новомодное веяние в обществе: замуж по любви, никаких сговоров родителей. Что же... это не страшно. Он легко сможет переубедить невесту, когда они встретятся.

– Итак, Фабиана, я могу рассчитывать, что вы были откровенны, и нам не придется возвращаться к этому неприятному разговору?

Девушка усиленно замотала головой, всем видом демонстрируя готовность сотрудничать: руки прижаты к груди, в глазах море верноподданнической любви и патриотизма.

Леон понимающе вздохнул. Большая часть его клиентов высказывала потрясающую храбрость и стойкость, но только до порога допросной, оказавшись же в стенах его кабинета, завзятые бунтари вдруг вспоминали о любви к родине и своих гражданских правах. Той самой родине, которую они пару дней назад усиленно поливали грязью.

– Тогда приятного вечера, дарьета, – он вежливо поклонился и вышел в коридор. Там принял доклад горничной:

пропали драгоценности, белье, а вот из одежды почти ничего. Помощник подтвердил: кучер возил на станцию. С собой был взят саквояж. Дарьета была бледна, возбуждена, но настроена решительно – никаких слез или жалоб. «Она, знаете ли, у нас «железная» дарьета. Даже в детстве, разбив коленку, не плакала».

«Железная» дарьета не укладывалась в картину убегающей от жениха невесты. Он что-то упускал из виду, нечто очень важное.

Леон вышел во двор – день клонился к закату, воздух свежел, ощутимо пахло землей, весной, возбуждая и заставляя думать о делах отнюдь не о заговорщицких. Поймать бы дурочку, отшлепать, чтобы знала, как перечить слугам короны.

Отшлепать... Он зажмурился, поймав глазом лучик солнца. Подумалось, что волосы у Шанталь на солнце должны вспыхивать золотом. Все же по уму стоило плюнуть на вздорную девицу, пусть себе бежит, у него еще три варианта есть.

Звонко зачирикала птаха, перепархивая с ветки на ветку. Ей откликнулась еще одна.

Весна...

В памяти вдруг зашевелилось давно забытое. Гимназическая форма, пунцовый жар возбуждения и стыда, букет первоцветов в руках и насмешливый взгляд зеленых глаз незнакомки. Конопушки на щеках, рыжий локон, аромат фиалок. Он так и не узнал ее имени... Думал забыл, а вот оно когда вылезло...

Не зря он никогда не любил этого дурацкого времени года. Слякоть, простуда и глупеющие на глазах товарищи, шаляющие от проходящей мимо женщины. Надо было невесту выбирать осенью или зимой.

– Вандаренберг!

Леон очнулся, пару секунд пытаюсь понять, почему в его руках поводья, а оседланный конь уже стоит во дворе.

– Вот, прошу.

Он взял бумагу из трясущихся рук Гюзеппе, не читая, сунул за пазуху. Отвел глаза от больного взгляда мужчины, вскочил в седло – Андэр догонит – и пустил лошадь в галоп.

За его спиной на крыльцо выскочил помощник с саквояжем в руках, огорченно взмахнул рукой и тут же ринулся на конюшню – седлать коня и догонять хозяина.

Комья грязи вылетали из-под копыт, ветер свистел в ушах, а в голове уже складывался план. Первым делом связаться со станцией, где проживает крестная. Пусть проверят поезд – действительно ли девица направилась туда. Впрочем, Леон был практически уверен, что станционная охрана никого, похоже, на перроне не найдет. Надо сажать на поезд своих людей, опрашивать пассажиров.

Он называл это чутьем. Коллеги – талантом сыскаря. Начальство считало результатом своего воспитания, но за годы службы от него ни один клиент не уходил. Достать из-под земли? Легко. Два года назад в землянке нашли одного... Думал, затихарился в лесу, не найдут?! Зря так думал. А о

чем думала девица, убегая, он узнает, когда поймает.

Леон попытался отстраниться от охватившего его азарта погони и проанализировать чувства. Солнце и золотые волосы – серьезные противники, устоять трудно, но можно. Еще ни одна девица не стала дурманом для его великолепного ума. И никогда не станет, но весна...

Он вдруг понял, что не хочет противиться накатывавшей волне безумия. Даже любопытно стало – насколько ситуация зайдет далеко. С другой стороны, дело о заговорщиках закрыто. Аресты проведены, допросы задокументированы, обыски дали свой результат. Все, кто заслужил, рассортированы между камерой и плахой палача. Гьюзеппе был оставлен на сладкое, но и это дело можно закрыть. Так почему бы не отдохнуть?

Солнце выглянуло из-за макушки ели, слепя глаза, словно поддерживая принятое решение – охоте быть.

Он обещал вернуть дочь отцу – вернет, а уж в статусе его невесты или нет, решит на месте.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Время текло мучительно медленно. Поезд исправно поглощал километры пути, а мне казалось, что мы, точно мухи, завязли в киселе и барахтаемся не в силах добраться до края.

Но все же жаловаться было глупо. Мои попутчики – милейшие люди. Максимум такта, минимум любопытства. То, что надо убегающей из дома девице. Чем дальше, тем больше верю – небесный отец на моей стороне.

Версию с застуженным суставом правой руки после перелома они восприняли спокойно, Лоанна с сочувствием: «Бедная девочка!».

Знала бы она насколько! Ладонь немилосердно жгло, точно сотня раскаленных иголок впивалась в кожу. Вдобавок добавилось дикое желание почесать руку – будто вместе с иголками туда пробралось полчище муравьев. Небо! Как же хочется отодрать ладонь от ненавистного дневника! Когда мое желание исполнится, я буду, без сомнения, самым счастливым человеком на земле.

Первые часы побега я почти не замечала боли – так страшно было. Да что там боль, когда речь шла о моей жизни! Теперь я держалась исключительно на упрямстве. Уговаривала себя, точно маленькую: вот еще одна станция, еще один перегон. Мне надо оказаться как можно дальше от дома, вы-

строить километры пути между мной и преследователями, и когда срабатывает сигналка печати, у меня будет время избавиться от метки.

Тогда и можно подумать, что делать дальше. Взятых драгоценностей должно хватить на оплату услуг нелегального мага, денег – скромно продержаться первые полгода, а вот что делать с дневником – я не решила. То ли сжечь, то ли утопить, то ли вернуть...

Ох, с каким наслаждением я бы проделала первые два действия с хозяином дневника! Кто в наше время ставит магические печати от воровства? Только параноики! А если у тебя в бумагах секреты государственной важности, так нечего их с собой брать! Для этого есть сейф и кабинет. Предпочитаешь носить при себе? Нечего потом жаловать, что они стали известны кому-то еще.

Я не оправдываю свой поступок. Но и дэршан должен понять – нет ничего более притягательного на свете для девушки, чем чьи-то секреты, особенно если это секреты сватающегося к ней мужчины. Не знаю, простит ли он меня, но понять должен. Мы оба виноваты в случившемся. Я – потому что не удержала своего любопытства, он – потому что оставил дневник без присмотра в чужом доме.

Доводы – умные и не очень – покрывали воровство, точно лед грязную лужу. Я оправдывала себя – покупать невесту за вину отца, точно овцу на базаре – настоящее варварство! Готовила речь, словно за дверью купе стоял он – мой

кошмар, моя головная боль и причина моего бедственного положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.